

О мнимом повороте Сталина к православной церкви

И.А. Курляндский

В 1999 г. в журнале «Наш современник» и ряде коммунистических и «патриотических» средств массовой информации (газеты «За Родину, за Сталина!», «Русский вестник» и др.) без ссылок на источники, но с патетическими комментариями были опубликованы сенсационные материалы, призванные свидетельствовать, что в 1939 г., перед войной, сталинское руководство радикально изменило государственный курс по отношению к православной церкви, прекратило гонения на духовенство и верующих и провело в ноябре—декабре того же года массовую амнистию осужденных по церковным делам¹. В «Указании ВЦИК и Совнаркома» за подписями председателя ВЦИК М.И. Калинина и председателя СНК В.И. Ленина от 1 мая 1919 г. за № 13666/2, адресованном председателю ВЧК Ф.Э. Дзержинскому, со ссылкой на некое таинственное «решение ВЦИК и СНК» «указывалось» на необходимость «как можно быстрее покончить с попами и религией. Попов надлежит арестовывать как контрреволюционеров и саботажников, расстреливать беспощадно и повсеместно. И как можно больше. Церкви подлежат закрытию. Помещения храмов печатывать и превращать в склады». «Кровожадное» и свирепое ленинское «указание» в публикациях обычно дополняет «Выписка из протокола № 88 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 11 ноября 1939 г.» с подзаголовком «Вопросы религии» за подписью И.В. Сталина. Содержащееся в «выписке» решение обращено к «религии, служителям Русской православной церкви и православным верующим». Оно отменяло «указание товарища Ульянова (Ленина) от 1 мая 1919 г.» и «все соответствующие инструкции ВЧК—ОГПУ—НКВД, касающиеся преследования служителей Русской православной церкви и православно верующих». Один из пунктов гласит: «Признать нецелесообразным впредь практику органов НКВД в части арестов служителей Русской православной церкви, преследование верующих». НКВД поручается «произвести ревизию осужденных и арестованных граждан по делам, связанным с богослужительской деятельностью», освободить тех из них, чья деятельность «не нанесла вреда советской власти». Присовокуплялось, что по «вопросу о судьбе верующих, находящихся под стражей и в тюрьмах, принадлежащих иным конфессиям, ЦК вынесет решение дополнительно». Дополняет «постановление» краткая «справка наркома внутренних дел СССР Л.П. Берии» от 22 декабря 1939 г. на имя Сталина. В ней глава НКВД докладывал о «выпуске на свободу», со ссылкой на «постановление Политбюро от 11 ноября 1939 г.», из лагерей — 12 860 человек и «из-под стражи» — 11 223. То есть 24 тысяч. По «справке Берии», из продолжавших отбывать наказание более 50 тыс. человек, «деятельность которых нанесла существенный вред советской власти», планировалось «освободить» еще около 15 тыс. заключенных и дела остальных «будут

Курляндский Игорь Александрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

пересматриваться». Эти данные и приводятся в обоснование утверждения о повороте сталинского руководства навстречу церкви еще до войны².

Представляет интерес вопрос об обстоятельствах появления этих материалов в прессе. Первым публикатором выступил журналист В.М. Марков, за которым числится «четверть века в профессиональной журналистике», комментаторская работа на радио, в газетах «Культура» и «Правда». В 2006 г. он был обозревателем московского общественно-политического еженедельника «Экономическая газета». О себе журналист пишет: «Идейные и культурные воззрения отмечу одним: “Back in the USSR”». Он так объяснил свою роль в публикации материалов: «Первопубликатором этих документов я стал случайно. Просто перед выходом книги Маршала Советского Союза Д.Т. Язова привелось немного поработать над ее версткой, а когда увидел в ней два ранее неизвестных сталинских документа, признаюсь: не утерпел, опубликовал в газете “За Родину, за Сталина!” (№ 7, сентябрь 1999 г.). На состоявшуюся через несколько месяцев конференцию, проводимую Институтом отечественной истории РАН совместно с Московской патриархией, к сожалению, захватил с собой всего 7-8 экземпляров — газета стала маленькой сенсацией. Представители обеих сторон (кому досталась газета) говорили, что не менее интересен комментарий, — правда, когда я предоставил этот материал редакции журнала «Наш современник», она неожиданно заменила комментарий рассуждениями священника Дудко, что, конечно, божественнее». Упомянув о конференции, автор, вероятно, имеет в виду проходившую в Москве в июне 2000 г. международную конференцию «Христианство на пороге нового тысячелетия», организованную совместно Институтом всеобщей истории РАН, Министерством культуры РФ и Московской патриархией. Это событие, как видим, и было использовано для пропаганды материалов. По Маркову, «документы» эти интересны тем, что якобы «опровергают» две распространенные «лжи»: (1) о “безбожном 70-летию”, о якобы непрекращающихся гонениях на церковь и верующих, чем грешат и высшие иерархи РПЦ; 2) о том, будто бы И.В. Сталин обратил внимание на церковь, сменив гнев на милость, когда его вынудила к этому война». «Эти решения, видимо, принимались трудно», рассуждает Марков: «В памяти миллионов людей еще свежо было сотрудничество церкви с царизмом, с правящими классами угнетателей, с интервентами и белогвардейцами в годы Гражданской войны, а после нее — участие иерархов РПЦ в организации антисоветских выступлений. Кроме того, сильны были настроения примитивного атеизма — “попедства”, культивируемые троцкистами»³.

Итак, впервые материалы «оказались» в верстке мемуаров Язова — оттуда и произошла «утечка» в газеты и «Наш современник», где они «обросли» комментариями священника-сталиниста. Так появились в ряде изданий известные публикации «документов». Язов, бывший член ГКЧП, в мемуарах изложил «детективную» историю о том, как неизвестные, но преданные родине «герои» «совершили подвиг», «спасли» в августе 1991 г. от уничтожения со стороны злокозненных «демократов» документы, «которые характеризовали И. Сталина как патриота и развенчивали грязные мифы вокруг его имени». Они якобы «и сегодня считаются секретными», находились «в специальной камере, и вышколащенные охранники не спускали с них глаз». По Язову, «сведения из сенсационных документов перечеркивают образ Сталина, который навязали нашему обществу Хрущев и его пособники». «Поэтому я не имею никакого морального права держать копии этих документов в ящике своего стола», — подытожил маршал. «В мои руки попали документы...» — это все, что сказано маршалом об их происхождении⁴. Вопрос, как попали эти материалы в руки публикатора-маршала, остается без ответа: все попытки автора этих строк связаться с бывшим министром обороны СССР оказались тщетными.

В пропаганде этих материалов приняли участие и церковные люди. Один из первых публикаторов «документов», священник Д. Дудко, диссидент советской эпохи, «прозревший» после перестройки и ставший духовником газеты «Завтра», полагает, что публикуемые им «сенсационные» «архивные находки» реабилитируют Сталина как «православно-го», «верующего» человека («Он был верующим» — назвал свою статью Дудко). «При внимательном чтении этих документов», резюмирует он, «становится ясным, кто такой Сталин, какую роль сыграл он в деле спасения православных храмов от окончательного разрушения и как он сумел сохранить жизнь, если не многим, то важным деятелям православной Церкви... Может быть, в какое-то время он потерял веру, но потом во всех борениях укрепился в ней»⁵. В пропагандистской «документальной» кинофальшивке «Сталин и разгром пятой колонны» «правильные» сталинские «документы» прочувствованным го-

лосом на фоне кадров молящихся верующих, храмов и крестов зачитывает священник В. Чашин. Материалы эти пользуются популярностью и на православных форумах в Интернете, а также на сталинистских и коммунистических сайтах. Многочисленные анонимные авторы охотно их приводят в «опровержение» якобы «клеветы» о Сталине как «гонителе церкви», при этом подчеркивается вредная роль Ленина, Дзержинского, Л.Д. Троцкого и «троцкистов».

Не отстают от них и некоторые просталински настроенные литераторы и общественные деятели, открытые и безудержные сталинские апологеты — писатели С. и Е. Рыбасы («Сталин. Стратегия судьбы»), В.В. Карпов (в его «Генералиссимусе» «документы» воспроизведены факсимильно), популярные в «патриотических» кругах публицисты А.Б. Мартиросян («200 мифов о Сталине») и В.В. Кожин, бывший председатель Комитета Государственной думы по делам религиозных организаций, член ЦК КПРФ В.А. Зоркальцев, правдист Ю.В. Емельянов, бывший председатель КГБ В.А. Крючков⁶ и многие другие публикаторы и комментаторы этих «интересных» «архивных» находок. Перечисленные авторы являются представителями маргинальной историографии, — иначе говоря, пустопорожних публицистических писаний, — где подобные «документы» играют роль «звена» в цепи дилетантских рассуждений, наглом и навязчивом мифотворчестве, примитивных и грубых фальсификациях, искусственно рисующих Сталина в образе последовательного «друга» церкви, религии и верующих от начала 1920-х годов до конца его деятельности.

На маргиналов в историографии можно было бы не обращать внимания. Но на тех же «документах» основывает свои выводы о природе церковно-государственных отношений в 1930-е годы и ряд патентованных историков. В их числе доктора исторических наук А.И. Вдовин («Русские в XX веке», М. 2004), С.И. Васильцов (статья «XX съезд и русский вопрос в России»), Ю.А. Катунин (статья «Изменение политики партии и государства в отношении православной церкви в 1939 г.» и докторская диссертация с соответствующей главой), Т.В. Волокитина (раздел «Власть и православные церкви в СССР и странах Восточной Европы (1944—1953 гг.)» в коллективной монографии «Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40-50-х гг. XX века», М. 2007), Н.А. Нарочницкая (труд «Россия и русские в мировой истории», М. 2005), доктор философских наук, эксперт по вопросам церковно-государственных отношений В.А. Алексеев (брошюра «Тернистый путь к живому диалогу (из истории церковно-государственных отношений в 30-е — 50-е гг. XX столетия)», М. 1999)⁷ и др.

Большинство авторов ссылается на некие «тайные архивы», где столь важные документы многие десятилетия, до 1999 г. были скрыты от общества, но точных архивных ссылок никто из них не дает. Нарочницкая, основываясь на этих материалах, пишет о «едва ли не полной ревизии ленинской линии по религиозному вопросу, начиная с 1917 г.» и о начале в 1939 г. радикального поворота советского государства навстречу церкви. При этом автор не делает попыток разобраться в надежности использованных источников, а удовлетворяется изложением публикации Алексеева, якобы получившего доступ в «секретные архивы». «Документы» удачно вписываются в концепцию Нарочницкой о «неофициальной смене курса государства по отношению к РПЦ», вызывающей «неприятие» у «ортодоксального большевизма» и разрушительных «антихристианских сил». «Эта смена, как теперь становится известным из документов», по мнению Нарочницкой, «произошла совсем не в заключительный период войны, якобы вынужденно, и даже не в момент эпохальной встречи в кремле Сталина с тремя митрополитами РПЦ 4 сентября 1943 г., но значительно раньше... Эти документы дополняют картину перемен в 30-е годы, подтверждают планомерный характер определенного поворота от цельной концепции 1917 года, являющейся частью всемирного исторического проекта, исполняемого в России определенным российским отрядом, тесно связанным с общемировой структурой»⁸.

Т.В. Волокитина обуславливает этот «поворот» сталинского руководства тем, что «в условиях приближающейся мировой войны советское государство было вынуждено осуществить отступление в религиозных делах, в очередной раз продемонстрировав некоторое смягчение церковной политики». Однако в подтверждение приведены тот же «протокол постановления» и «справка Берии», сопровождаемые ссылкой не на архивные источники, а на карповского «Генералиссимуса»⁹, хотя известно, что этот труд наполнен фальшивками и примитивными фальсификациями, частью — откровенно антисемитского характера¹⁰.

Легализации и попыткам введения в научный оборот сомнительных «документов»

способствует и создание псевдонаучной основы поверившими в их «подлинность» исследователями. Действительно, в 1939 г. тон антирелигиозной пропаганды был несколько смягчен и даже «недобитые» в годы террора остатки структур Московской патриархии («староцерковники») впервые использовались сталинским государством для распространения своего влияния в западных областях Украины, Белоруссии и в Прибалтике в 1939—1940 гг., но нет почвы для утверждений о том, что был совершен серьезный поворот политического курса именно в сфере религии¹¹.

Вдовин, ссылаясь также на «Генералиссимуса», рассматривает «постановление Политбюро от 11 ноября» как часть происходившего в 1930-е годы «возрождения некоторых русских традиций», когда «власть сочла необходимым умерить антирелигиозный пыл партийных богоборцев»¹² — как если бы «партийные богоборцы» действовали самостоятельно — без санкции и руководства сталинской власти. Между тем известные сталинские реверансы 1930-х годов в сторону частичной реабилитации старой России и возрождения некоторых имперских символов не затрагивали сферы религиозной или церковной политики. Активисты и идеологи КИРФ Васильцов и С.П. Обухов трактуют указанное «постановление» («прекращение гонений на церковь») как важнейшую часть мифического «русского консервативного проекта» Сталина, якобы введенного в действие до войны. Этот «проект» авторы противопоставляют «плохому» космополитическому проекту закрытого доклада Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС, якобы «оклеветавшего» Сталина¹³. Однако «русский консервативный проект Сталина» является политической фантазией подобных авторов и не находит подтверждения в источниках. С помощью ряда натяжек «проект Сталина» искусственно слеплен ими в целях политической реабилитации «вождя». Разумеется, без легенды о Сталине как «друге церкви и верующих» «русский консервативный проект Сталина» грешил бы явной неполнотой.

Под пером Рыбасов Сталин превращается в защитника православных украинского и белорусского народов от католических «козней». Для этого якобы он и издал «постановление от 11 ноября 1939 г.» «Почему это решение было принято сразу после польской кампании?» — фантазируют литераторы. «На этот счет может быть такой ответ: чтобы поддержать в западных районах православных белорусов и украинцев в противовес полякам-католикам, которые в Польше были людьми первого сорта... Мировой Революции в Европе не случилось. Наоборот, там стали править национальные интересы, поэтому Сталин, понимавший силу польского католицизма, перечеркнул прежний завет», и «он убедился в своей правоте», когда православная церковь пришла на помощь во время войны. «Только не следует думать, что он, вспомнив мечту матери видеть его священником, приобщи́л сердце к Богу, — строят авторы дальнейшие предположения. — Его взаимоотношения с Богом нам неизвестны»¹⁴.

Новая версия церковно-государственных отношений 1930-х годов, основанная на «документах» Язова—Маркова, отражена и в ряде вузовских учебников и хрестоматий, рекомендованных Министерством образования РФ, и стала, таким образом, частью государственных образовательных программ¹⁵.

Более сложной позиции в вопросе о реальности церковной «оттепели» 1939 г. придерживается историк церковно-государственных отношений в XX в. М.В. Шкаровский. В своих трудах он не ссылается на сомнительные тексты «документов» Язова—Маркова. В то же время, не приводя каких-либо других источников, он пишет о «серьезных переменах», якобы наступивших с осени 1939 г., ввиду изменения курса правительства «с интернационально-коммунистического на национально-патриотический». Сама констатация такой смены курса грешит упрощением, и положение не спасают глухие упоминания о разосланных с конца 1938 г. «закрытых циркулярах различных административных органов» с «указаниями проявлять сдержанность в ликвидации храмов»¹⁶. Шкаровский не делает в данном случае ссылок на источники, не указывает ни дат, ни названий этих «циркуляров», не цитирует ни один из них. Между тем ВЦИК в ряде своих документов 1937 г., то есть в разгар антицерковного террора, тоже давал указания о необходимости сдержанности в деле закрытия храмов. Такие призывы «проявлять сдержанность» и не увлекаться администрированием в деле закрытия церквей обычно сопровождали антицерковную политику большевиков и поэтому не могут считаться доказательством «серьезной перемены» курса.

Ссылаясь на сокращение антицерковных акций в 1939—1940 гг., Шкаровский пишет о «создании видимости религиозной терпимости в стране» в связи с включением в состав

СССР осенью 1939 г. новых территорий с крупной православной диаспорой, где требовалось проводить более осмотрительную религиозную политику. Разумеется, советскому руководству приходилось учитывать интересы этой части населения, но этот факт сам по себе не дает достаточного основания, усматривать «серьезную перемену» церковно-государственного курса в СССР в целом. Бездоказательно, без какой-либо опоры на источники Шкаровский пишет, что якобы «в 1939 году произошло изменение курса государственной религиозной политики, закончился период открытого активного наступления на Церковь»¹⁷. Некоторое смягчение антирелигиозного курса с 1939 г. — не то же, что его «изменение» или «серьезная перемена», а о том, что наступление на Церковь продолжалось и в 1939—1941 гг., свидетельствуют факты.

Распространение версии о «сталинской церковной оттепели» 1939 г., при дружном молчании специалистов по церковно-государственным отношениям в советский период, вызывает необходимость всестороннего анализа используемых в пропаганде материалов для установления их подлинности и достоверности. Действительно, будь эти материалы подлинными, они опрокидывали бы утвердившееся в историографии представление о вынужденности перемены сталинского церковного курса событиями Великой Отечественной войны.

Прежде всего, рассмотрим так называемое «Указание Ленина от 1 мая 1919 г. за № 13666/2» о «борьбе с попами и религией». В практике партийно-государственного делопроизводства не существовало документов с названием «Указание». ВЦИК и Совнарком не издали ни одного документа с таким названием за всю свою деятельность. Существовали только постановления и декреты за подписями глав этих органов (см. сборники «Декреты советской власти»), при этом порядковых номеров таким документам не присваивалось. Однако во всех упомянутых сомнительных публикациях «указанию» присвоен порядковый номер 13666/2, что подразумевает наличие многих тысяч «указаний» в государственном делопроизводстве. Ни один из подобных документов не известен историкам, не выявлен в архивах, никогда не публиковался. Разумеется, подобный номер выдуман фальсификаторами для того, чтобы иметь возможность ввести в него апокалиптическое «число зверя», придать бумаге ярко выраженный мистический характер, связать его с «сатанинской» стихией российского большевизма, которой якобы и положил предел мудрый «государственник» Сталин. В данном случае расчет делался не на интеллектуалов, а на массовое сознание. «Чертова дюжина» и «три шестерки» в «ленинском документе» должны были бить по восприятию простого верующего человека. Не случаен и выбор даты — 1 Мая, День международной солидарности трудящихся.

За всю свою партийно-государственную деятельность Ленин не подписал ни одного документа с названием «Указание» — ни с тремя шестерками, ни без. Не существовало никакого антирелигиозного документа Ленина от 1 мая 1919 г. и под другим названием (постановления, записки, телеграммы, декрета и проч.). В Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) хранится фонд документов Ленина, в него включались все ленинские документы. Ныне все документы ленинского фонда рассекречены и доступны для исследователей, так как государственных тайн в них не содержится. «Указание Ленина от 1 мая 1919 г.» в РГАСПИ отсутствует¹⁸. Как, заметим, и все остальные «указания». Все документы Ленина в РГАСПИ каталогизированы строго по датам. Среди бумаг, относящихся к 1 мая 1919 г., нет антирелигиозных — это несколько подписанных Лениным постановлений Малого СНК, заседание которого состоялось в этот день (они касаются мелких хозяйственных вопросов)¹⁹, а также несколько резолюций на входящих телеграммах²⁰.

Отсутствует «Указание Ленина от 1 мая 1919 г.» и в Государственном архиве РФ, где хранятся фонды СНК и ВЦИК²¹. Отрицают наличие этого «документа» в своих официальных письмах Центральный архив ФСБ и Архив Президента РФ²². Таким образом, «Указание Ленина от 1 мая 1919 г.» отсутствует во всех профильных по этой тематике государственных и ведомственных архивах России. Равным образом не существовало никакого секретного «решения ВЦИК и СНК» 1917—1919 гг. о необходимости «как можно быстрее покончить с попами и религией», во исполнение которого «Указание Ленина от 1 мая 1919 г.» будто бы было выпущено. Не существует никаких «инструкций ВЧК—ОГПУ—НКВД» со ссылками на это «указание» (якобы отмененных вместе с «указанием» в 1939 г.), нет никаких документов о его исполнении²³.

Более того, содержание мнимого «Указания» противоречит фактической стороне

истории церковно-государственных отношений 1918 — начала 1920-х годов. При фабрикации «документа» проявилось грубое историческое невежество фальсификаторов. Документы СНК РСФСР свидетельствуют, что в 1919, и в 1920 г., и в начале 1920-х годов по распоряжению Наркомата юстиции РСФСР отдельные церкви неоднократно передавались в распоряжение общин верующих, а решения местных властей об их произвольном закрытии отменялись. Подобная практика, при действии «указания Ленина от 1 мая 1919 г.» или подобного ему документа, была бы совершенно невозможна. VIII отдел Наркомюста 23 апреля 1919 г. сообщил Управлению делами СНК, что «если железнодорожная церковь при станции Курска представляет отдельное здание, то препятствий к передаче ее в распоряжение групп верующих не имеется». Разъяснение Наркомюста представляет собой ответ на адресованное Ленину прошение общего собрания железнодорожных рабочих Курска, «решительно протестующих против закрытия церкви»²⁴. Власти в данном случае не могли не посчитаться с настроениями среди «господствующего класса», пусть, с их точки зрения, отсталыми. В начале ноября 1919 г. в СНК поступило ходатайство верующих Троице-Сергиевой Лавры о неправомерном закрытии на территории Лавры ряда храмов. Оно было принято к рассмотрению, и Управляющий делами СНК В.Д. Бонч-Бруевич предписал VIII отделу НКЮ «расследовать обстоятельства и сообщить мне для доклада Председателю СНК». «Необходимо получить точные сведения», писал он далее, «почему эти церкви были закрыты. Декрет об отделении церкви от государства не предусматривает этого обстоятельства — вмешательства местных властей в религиозные права граждан»²⁵. Можно упрекнуть этого государственного деятеля в лицемерии, так как известно и о потворстве центральной власти местным властям в их антицерковной деятельности — вне оглядок на декреты. Известна и судьба самой Лавры, закрытой властью спустя несколько лет. Но нельзя не заметить, что выборочно, как и в этом случае, власть могла и демонстрировать свою «веротерпимость», даже идти навстречу верующим в вопросе отмены закрытия храмов. Отсюда призыв Бонч-Бруевича «расследовать», сообщить «точные сведения» для его доклада Ленину, его ссылка на «Декрет», отповедь местным властям.

Вообще, одним из основных методов борьбы с церковью в годы гражданской войны со стороны центральной большевистской власти было сознательное и молчаливое попустительство. Местным властям негласно давался своего рода «карт-бланш» действовать в духе своего революционного правосознания и сообразовываясь с конкретной обстановкой. Такая практика позволяла Центру отмежевываться от многих непопулярных антицерковных акций. Можно было объявлять их при случае «левацкими» заскоками и перегибам. Никаких директивных, централизованных, всеобщих указаний (вроде «уничтожай повсюду церкви и духовенство»), даже секретных, при такой политике не требовалось. Достаточно было «развязать руки» товарищам на местах.

Инициаторами гонений при таком подходе становились не только и не столько карательные органы (местные ЧК), но практически все органы советской власти (различного рода советы, исполкомы, президиумы, земельные комитеты, ревкомы), а также направлявшие их деятельность партийные организации. Многочисленные жалобы верующего населения с мест на антирелигиозный произвол властей в большинстве случаев игнорировались Центром. В архивах немало ярких примеров подобного рода. Монахини Коломенского женского монастыря после Октября 1917 г. получили возможность жить в виде женской трудовой коммуны, но она просуществовала недолго. В августе 1919 г. Коломенский горисполком произвел обыск-разграбление в монастыре, запечатал его помещения. Монахини 19 августа написали коллективное письмо Ленину. «Все почти монахини крестьянскогословия, живущие своим трудом — рукоделием. Зачем же их обирать и стеснять? Вы пишите, что рабоче-крестьянское правительство не вмешивается в дела веры, но верующим жить не даете. Просим возвратить все взятое в нашем монастыре». Монахини заметили, что в монастыре продолжают обыски и все имущество продолжают расхищать и вывозить. Какова же была реакция высшей власти на эту слезную просьбу трудящихся? Письмо попало к Бонч-Бруевичу, который написал на бумаге краткое и выразительное: «В архив»²⁶.

3 сентября 1919 г. около 400 сестер Серафимо-Девеевского женского монастыря отправили жалобу на имя Бонч-Бруевича. Нижегородский губернский земельный отдел отнял у общины из 1600 человек всю монастырскую землю (91 дес.) вспаханную сестрами, за отсутствием конфискованного ранее скота, «на себе» (то есть запрягаясь вместо лошадей)²⁷. Реакции СНК, Ленина не последовало никакой. Позднее и сестер из монастыря

выкинули и он был закрыт.

Главным актом, на котором власти основывали свои антицерковные и антирелигиозные действия, оставался никогда не отмененный Декрет об отделении церкви от государства 1918 г., а не мифические «указания».

По отношению к православному духовенству политика большевистской власти не была направлена на его тотальное физическое уничтожение, как пытаются внушить обществу авторы фальшивки. В 1920-х годах не меньшее значение, чем массовым репрессиям, придавалось тактике раскола церкви изнутри с целью разрушения ее канонических структур. Для этого использовались группы лояльных к власти представителей духовенства, которые становились объектами манипуляций. Подобные задачи и в 1930-е годы выполнялись силами ВЧК—ОГПУ—НКВД, что было бы совершенно невозможно, если бы перед ними стояла задача «повсеместного» уничтожения духовенства. Глава советских карательных органов Дзержинский, на имя которого Ленин якобы отправил злое «указание», писал своему заместителю М.Я. Лацису 9 апреля 1921 г.: «Мое мнение — церковь разваливается, этому надо помочь, но никоим образом не возрождать в обновленческой форме. Поэтому церковную политику развала должен вести ВЧК, не кто-либо другой»²⁸. Дзержинский не раз демонстрировал гибкость в методах борьбы с церковью. 11 марта 1921 г. он издал циркуляр о порядке ликвидации Московского объединенного совета религиозных общин и групп за якобы «контрреволюционную деятельность». Он при этом ориентировал чекистов на борьбу с теми религиозными обществами, которые «под флагом религии открыто ведут агитацию, способствующую развалу Красной армии, против использования продовольственных разверсток и тому подобного». И вместе с тем предписывал работникам ЧК: «К общинам, не приносящим вреда пролетариату, должно проявлять отношение самое осторожное, стараясь не раздражать религиозные объединения, не руководимые каким-либо контрреволюционным центром, каким оказался Московский объединенный совет. При проведении циркуляра строго воздерживайтесь от каких-либо мероприятий, могущих возбудить нарекания на агентов нашей власти в смысле... стеснения чисто религиозной свободы»²⁹. Этот реальный источник противоречит утверждению об ориентации ВЧК на «повсеместное» уничтожение духовенства.

Известен действительный документ, циничное письмо Ленина В.М. Молотову от 19 марта 1922 г. об использовании обстановки голода для удара по церкви, как идеологическому противнику³⁰. Разумеется, авторы фальшивок использовали широкую известность именно этого письма, как факта крайнего политического цинизма и мизантропии, чтобы попытаться выстроить в сознании людей ложный псевдоисторический ряд — раз Ленин призывал к гонениям в 1922 г., то можно поверить, что он призвал к тотальному разгрому церкви еще в 1919 г., и т.д.

Таким образом, даже если отвлечься от архивных и делопроизводственных деталей, доказывающих подложность так называемого «указания Ленина от 1 мая 1919 г.», подобный документ вообще не мог появиться на свет, так как он не вписывается в реальную картину гонений за веру и антицерковных акций советского государства в 1918—1923 годы. Нормативные акты, которыми обосновывались гонения на церковь, преследования и ограничения в правах верующих, хорошо известны в историографии: декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви от 20 января 1918 г., лишивший церковь права собственности и юридического лица; майское 1918 г. решение о создании «ликвидационного» отдела Наркомюста; инструкция Наркомюста от 30 августа 1918 г., лишившая церковь прав миссионерской, благотворительной и культурно-просветительской деятельности (дальнейшие документы воспроизводили эти положения); постановление Политбюро ЦК ВКП (б) «О мерах по усилению антирелигиозной работы» от 24 января 1929 г.; постановление Политбюро ЦК от 28 февраля 1929 г. об изменении статьи Конституции РСФСР, лишавшем верующих права «религиозной пропаганды» при сохранении свободы пропаганды атеистической (перешло и в «сталинскую» Конституцию СССР 1936 г.); постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. с последующими инструкциями к нему; постановление ЦИК и СНК СССР «О борьбе с контрреволюционными элементами в руководящих органах религиозных объединений» от 11 февраля 1930 г. и др. Ни один из перечисленных антицерковных актов «де-юре» не был отменен Сталиным даже в период его так называемого «либерального» курса 1943—1953 гг., а в инструкции Совета по делам Русской православной церкви уполномоченным Совета на местах от 5 февраля 1944 г. воспроизведено большинство запретительных и ограничитель-

ных мер постановления «о религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 года³¹.

Помимо перечисленных нормативных актов не следует забывать, что в марте 1919 г. на VIII съезде РКП(б) была принята Программа партии, обязательная для всех коммунистов и действовавшая, разумеется, весь период сталинского правления, с пунктом 13-м — о «полном отмирании религиозных предрассудков» в новом коммунистическом обществе. Партия должна была содействовать «фактическому освобождению масс от религиозных предрассудков», при этом требовалось «избегать всякого оскорбления чувств верующих, ведущего лишь к закреплению религиозного фанатизма»³². Программа партии и определяла тот антирелигиозный и антицерковный курс, который оставался неизменным на всех этапах существования советского государства до «перестройки», несмотря на различные тактические «приливы» и «отливы».

Итак, анализом источников устанавливается, что «указания Ленина от 1 мая 1919 г.» о борьбе с попами и религией не существовало, а приводимый в разных изданиях его текст является грубой фальшивкой, сочиненной специально для того чтобы «подкрепить» собой другую фальшивку, показывающую мнимую расположенность Сталина к церкви и «православно верующим» еще до войны.

Таким же грязным подлогом является и так называемое сталинское «Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 11 ноября 1939 г.» — об «отмене» несуществующего «документа», «Указания Ленина от 1 мая 1919 г.». Но даже если отвлечься от вопроса о подлинности самого «указания» Ленина, существуют другие надежные доказательства подложности «либерального» «сталинского документа» 1939 года.

Все протоколы Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) за 1919—1952 гг. хранятся в РГАСПИ (ф. 17, оп. 3, 163) и теперь доступны для исследователей. Рассекречено и большинство протоколов Особых папок к заседаниям Политбюро за все эти годы (ф. 17, оп. 162), а также большая часть материалов к ним (ф. 17, оп. 166). В «особых папках» откладывались постановления Политбюро по разным секретным вопросам (обороны, НКВД, НКВД и др.). Датированные 11 ноября 1939 г. решения Политбюро действительно были. Однако никаких церковных вопросов они не касались. Номера обобщенных протоколов к заседаниям Политбюро присваивались в порядке очередности после очередного съезда партии и, соответственно, выборов нового состава Политбюро. Обобщенный протокол Политбюро ЦК ВКП(б) от 10 ноября — 10 декабря 1939 г., включающий и решения от 11 ноября 1939 г., значится в архиве под номером ДЕВЯТЬ (РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 1016). А в опубликованном подложном «постановлении» у протокола Политбюро значится номер восемьдесят восемь (а в других публикациях — девяносто восемь). Это доказывает, что фальсификаторы никогда не работали в архивах, они даже не потрудились ознакомиться с порядковыми номерами протоколов Политбюро. Цифра была взята «с потолка».

В большинстве публикаций «постановления» фальсификаторы ставят гриф «особая папка». Режим «особой папки» в делопроизводстве протоколов Политбюро распространялся на особо секретные вопросы, связанные с обороной, безопасностью, внешней политикой, организацией массового террора против населения, различных локальных репрессивных кампаний, тайных политических убийств и т.д. Это была секретность в квадрате — особое секретное делопроизводство внутри общего делопроизводства Политбюро как негласного антиконституционного органа власти в СССР и инструмента диктатуры Сталина. Имеется Особая папка и к протоколу Политбюро ЦК ВКП(б) 11 ноября 1939 г., она рассекречена, хранится в архиве. Однако вопросы религии и там не рассматривались³³.

Из материалов к этой Особой папке видно, что в тот день под грифом «ОП» рассматривались следующие вопросы. Первым прошел вопрос Комитета обороны СНК СССР (КО) «О покупке у американской фирмы “Коуз Лабораторис” походной авиа-мастерской», для чего предполагалось выделить 30 тыс. долларов. Второй вопрос, также Комитета обороны, — «Об импорте 43 металлорежущих станков для Наркомата вооружения». Далее рассматривался проект постановления КО «Об увеличении численности и материальном обеспечении конвойных войск НКВД Союза СССР»³⁴. Мотив этого шага в записке Сталину от 9 ноября Берия объяснил так: «В связи с воссоединением Западной Белоруссии и Западной Украины с Украинской и Белорусской Советскими Республиками — конвойные войска НКВД должны принять под охрану тюрьмы, конвоирование по плановым маршрутам, обслуживание организуемых областных судов и военных трибуналов, а также конвоирование заключенных по железным дорогам эшелонными конвоями. Значительное увеличение объема задач, возложенных на кон-

войные войска, вызывает необходимость увеличения их численности». На письме Берии Сталин начертил «За. И. Ст.»³⁵. История посмеялась над изготовителями фальшивок: в день, когда, по их вымыслу, вождь подписывал «гуманный акт», Сталин и Берия приняли решение, направленное на организацию массовых репрессий во вновь присоединенных к СССР территориях. 11 ноября Политбюро также утвердило подписанное Сталиным и Молотовым постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О пересмотре караульной службы», согласно которому предписывалось перевести ряд складов РККА на военизированную вольнонаемную охрану. Письмо с предложением Комитета обороны на этот счет было также утверждено Сталиным³⁶. Вот и все решения Особой папки Политбюро за день 11 ноября 1939 года.

Таким образом, гриф «особая папка» был поставлен фальсификаторами для создания видимости особой важности, секретности публикуемого ими сенсационного «документа».

Некоторый интерес представляют и другие решения Особой папки к протоколу № 9 заседания Политбюро от 10 ноября — 10 декабря 1939 года. 23 ноября было принято решение о закрытии печально известной Соловецкой тюрьмы и передаче Соловецких островов в ведение Наркомвоенфлота. Это был вовсе не «реабилитационный» шаг. Заключенных перевели в другие тюрьмы³⁷. А 23 ноября был утвержден очередной протокол Комиссии Политбюро по судебным делам — из 116 пунктов осужденных большинство проходило по «контрреволюционным делам». Встречались среди них и следователи, и начальники местных органов НКВД, привлеченные к ответственности за «незаконные методы следствия» в ходе операции по выявлению козлов отпущения за «перегибы» террора. У ряда «контрреволюционеров», осужденных и утвержденных Комиссией Политбюро в этот день на расстрел, как отягчающее обстоятельство, в альбоме особо помечено: «сын служителя религиозного культа»³⁸. Была дана санкция на убийство и одного бывшего священника. Некто Ф.Д. Сапожников обвинялся в шпионаже в пользу Англии, участии в повстанческой контрреволюционной организации и в антисоветской агитации среди населения Северо-Кавказского края. В справке помечено: «В прошлом служитель религиозного культа и судим за контрреволюционную деятельность». Комиссия Калинина решила: «Согласиться с применением расстрела к Сапожникову Ф.Д.»³⁹. Одно из постановлений «обобщенного» протокола касалось подготовительных мероприятий к Катынской трагедии. В докладной записке от 3 декабря Берия известил Молотова о взятии на учет значительного количества кадровых офицеров бывшей польской армии. В Западной Украине таких оказалось 827 человек, в Западной Белоруссии — 368, всего 1195 (из них уже было арестовано 289). «Среди них, как установлено НКВД, — писал Берия, — ведется усиленная работа по сколачиванию всякого рода антисоветских организаций и группировок... В связи с этим дано указание НКВД Украинской ССР и НКВД Белорусской ССР — арестовать всех взятых на учет кадровых офицеров бывшей польской армии». Автографы на бумаге: «За — Молотов. Сталин. К. Ворошилов. Каганович». Постановление Политбюро: «Утвердить предложение НКВД об аресте всех взятых на учет кадровых офицеров бывшей польской армии»⁴⁰. Под тем же протоколом прошло преступное решение от 9 декабря о массовом выселении осадников с семьями из Западной Украины и Западной Белоруссии (автографы «за» Молотова, Сталина, Ворошилова, Микояна). Всего решено было выслать 13 434 семьи с предписанием «использовать их на разработках Наркомлеса»⁴¹.

Отсутствие подложного «документа» от 11 ноября 1939 г. засвидетельствовано отрицательным ответом из Центрального архива ФСБ, где хранятся документы НКВД, и из Архива Президента РФ, где хранится фонд Политбюро ЦК (за исключением протоколов к заседаниям Политбюро, переданных в РГАСПИ)⁴². В истории партийно-государственной практики не было случаев гласной или секретной отмены ленинских документов. Поэтому напрасно поражается маршал Язов: «Поразительный факт: Сталин ослушался Ленина...»⁴³ и пр. Не было такого «поразительного факта». В СССР — от середины 1920-х годов до «перестройки» — неизбежно существовал культ личности Ленина, который официально исповедовали все партийные и государственные работники (независимо от степени их искренности). Если ленинская линия по каким-то вопросам ревизовалась, как в случае свертывания нэпа и перехода к сплошной коллективизации, то делалось это исподволь, под обязательным прикрытием соответствующих цитат из Ленина, с демонстрацией верности ленинским идеям и установкам. Даже в самых секретных бумагах отсутствовала критика

Ленина, любое порицание его действий или документов было абсолютно невозможно для руководителей всех уровней — от Сталина до рядового работника райкома партии.

Не проводилось никакой массовой амнистии осужденных по церковным делам ни в ноябре—декабре 1939 г., ни в 1940, ни в 1941 г. якобы во исполнение постановления от 11 ноября 1939 г., в чем легко убедиться, анализируя электронную базу гонений на верующих по сайту Православного Свято-Тихоновского института, многие годы целенаправленно собирающего данные о репрессиях священно- и церковно-служителей и мирян за годы советской власти⁴⁴. Уменьшение размаха гонений и так называемая «бериевская» амнистия весны—лета 1939 г. касались исправления «ежовских перегибов», прекращения политики «Большого террора» и несколько не были связаны с изменением церковной политики государства. Центральный архив ФСБ не содержит никаких документов, свидетельствующих о массовой амнистии по церковным делам с ноября 1939 года⁴⁵. Таким образом, «справка» Берии от 22 декабря 1939 г. на имя Сталина о мнимом выпуске в ноябре и декабре десятков тысяч человек, пострадавших по церковным делам, и о якобы готовившемся массовом пересмотре десятков тысяч других подобных дел является такой же фальшивкой, как и «указание Ленина от 1 мая 1919 г.» и «постановление Политбюро от 11 ноября 1939 г.»

Вопреки версии о «либеральном повороте» Сталина к церкви и верующим в 1939 г. и отмене им гонений, 1940—1942 гг. отмечены новыми жестокими репрессиями по «церковным» делам. Масштаб гонений, разумеется, был не тот, что в 1937—1938 гг. (да и осталось священников к тому времени уже меньше), но сами гонения прекращены не были. Органы НКВД и сталинской юстиции продолжали в массовом порядке фабриковать дела против священно- церковно-служителей и мирян, что было бы совершенно невозможно, если бы действовал сталинский «документ» о прекращении гонений, подобный «Постановлению Политбюро от 11 ноября 1939 г.». Продолжались расстрелы. По данным исследователя гонений на церковь, преподавателя Свято-Тихоновского православного института Н.Е. Емельянова, в 1939—1940 гг. совершалось по 1100 казней в год по церковным делам, в 1941—1942 — последовали новые тысячи казненных. И только с 1943 г. (в результате действительного, а не мнимого поворота государственной политики) число репрессий резко сокращается. Однако и этот отказ от искоренения религии в кратчайшие сроки, замечает Емельянов, «не означал прекращения преследования церкви. Хотя и в меньших масштабах, чем прежде, аресты архиереев, священников и активных мирян продолжались в послевоенный период»⁴⁶. По данным правительственной Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий, только в 1940 г. было арестовано 5100 церковников, расстреляно 1100, в 1941 г. арестовано 4000, расстреляно — 1900⁴⁷.

Продолжалась и фабрикация групповых дел. В 1940—1941 гг. органы НКВД в Архангельске «раскрыли» «контрреволюционную монархическую церковную организацию» схиепископа Петра (Федоскина), в 1942 г. сочинили «дело духовных дочерей архимандрита Серафима (Климкова)» в Москве и «антисоветской церковной организации» в Котласе⁴⁸. В докладе уполномоченного КПК по Орджоникидзевскому краю Астраханцева члену Политбюро ЦК А.А. Андрееву «Об антирелигиозной пропаганде в Орджоникидзевском крае» от 18 июня 1941 г. говорится о вскрытых в крае в 1940—1941 гг. церковных антисоветских центрах. В частности, в Буденновском районе, «являвшемся за последнее время центром контрреволюционного тихоновско-имяславского церковного подполья, функционировало 4 церкви, в одной из которых вскрыт и ликвидирован подпольный монастырь», во второй половине 1940 г. ликвидирован «церковно-повстанческий центр». В ряде районов края были обнаружены «законспирированные кельи и молитвенные дома, обитаемые, в большинстве своем, беглыми монашескими элементами, бывшими попами и особенно ревностными фанатиками-верующими». Они «развернули свою контрреволюционную клеветническую деятельность, направленную к подрыву колхозного строительства и оборонного могущества СССР»⁴⁹.

Партийные и советские органы в 1940—1941 гг. добивались усиления антирелигиозной работы. 27 февраля 1940 г. был издан приказ Наркомпроса РСФСР «Об антирелигиозной пропаганде в школах». 17 декабря 1940 г. бюро Орджоникидзевского крайкома партии вынесло постановление «О состоянии антирелигиозной работы в крае», содержащее предписание «широко развернуть антирелигиозную работу среди верующих, обратив особое внимание на постановку групповой и индивидуальной агитации»⁵⁰. 26 февраля 1941 г. секретарь ЦК КП Белоруссии по пропаганде В.Н. Малин направил в Отдел пропа-

ганды и агитации ЦК ВКП(б) докладную записку «Об усилении антирелигиозной работы в западных областях Белоруссии», в которой отмечал недостатки борьбы с «вредительской деятельностью священников»⁵¹.

А вот некоторые строки из «индивидуальных» церковных дел 1940—1942 годов. А.В. Балашова в одном из сел Тамбовской области после закрытия церкви организовала у себя на дому хор бывших певчих, участвовала в совершении треб. Она была арестована по доносу односельчанина в сентябре 1941 г., приговорена к расстрелу, замененному 10 годами лагеря. М.А. Кригер, арестованная в августе 1940 г. по обвинению в «антисоветской агитации среди верующих», получила 7 лет лагерей. Священнослужитель Г.Ф. Гиацинтов был в октябре 1941 г. осужден на пять лет (статья 58¹⁰). И таких «дел» — многие тысячи⁵².

Можно считать доказанным, что никакого «либерального» поворота церковно-государственного курса в 1939 г. в СССР не было.

Институт российской истории РАН посылал ряду пропагандистов так называемых «документов» запросы об источниках их сенсационных открытий. Однако ответы на большинство из них получены не были. Только автор «Генералиссимуса» сообщил: «Кроме указанных Вами источников, ничего сообщить не могу. Хранится в архиве Политбюро. В. Карпов»⁵³. Но, как уже было показано, произведенная комплексная проверка во всех профильных государственных и ведомственных архивах страны не подтвердила сообщение литератора. В «архиве Политбюро», то есть в фонде Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б), хранящемся в Архиве Президента РФ (АП РФ, ф. 3), этих материалов нет и не было, так как вообще не существовало в реальности. Из цитированного ответа Карпова видно, что с понятием «источники» в научном смысле он не знаком. Как и отец и дочь Рыбасы, Карпов, непрофессионально занимаясь сталинской темой, никогда не «сниходил» до работы в архивах. За свой апологетический и недобросовестный «труд» о Сталине Карпов был награжден Шолоховской премией.

Опубликованные в ряде подобных сочинений материалы по истории церковно-государственных отношений в 1919 и в 1939 гг. являются национал-коммунистическим подлогом, грубо сфабрикованным в конце 1990-х годов для достижения грязных политических целей — формирования и внедрения в общественное сознание мифа о расположенности Сталина к церкви и православной религии, создания положительных образов «православного» Сталина и «патриотического» сталинского руководства. Соответственно, все сюжеты в историографии и в учебных пособиях и хрестоматиях, толкующие о радикальном изменении государственно-церковного курса до войны, не соответствуют действительности.

Примечания

1. ДУДКО Д. Он был верующим. — Наш современник, 1999, № 12; «За Родину, за Сталина», 1999, № 7; и др.
2. Цит. по: ДУДКО Д. Ук. соч.
3. МАРКОВ В.М. Коммунисты и церковь. http://www.beatles.ru/postman/forum_messages.asp?msg_id 9643&cfrom1&showtype0&cpage585.
4. ЯЗОВ Д.Т. Удары судьбы. Воспоминания солдата и маршала. М. 2002, с. 43—46.
5. ДУДКО Д. Ук. соч.
6. РЫБАС С.Ю., РЫБАС Е.С. Сталин. Т. 2. М. 2007, с. 222, 223; МАРТИРОСЯН А.Б. 200 мифов о Сталине. М. 2007; КАРПОВ В.В. Генералиссимус. Т. 1. Калининград. 2002, с. 97—99; ЗОРКАЛЬЦЕВ В.А. Духовное единение Ч. 2. М. 2003, с. 238, 239; ЕМЕЛЬЯНОВ Ю.В. Европа судит Россию. М. 2007; КРЮЧКОВ В.А. Воспоминания. М. 2007; КОЖИНОВ В.В. Россия. Век XX. Опыт беспристрастного исследования. Т. 2. М. 2000; НАЗАРОВ Г.А. Какое-то безумие тлело в нем. http://www.orthomed.ru/ftpoot/abort_mr/books/history/articles/nazarov2.htm; и др.
7. ВДОВИН А.И. Русские в XX веке. М. 2004; ВАСИЛЬЦОВ С.И., ОБУХОВ С.П. XX съезд и русский вопрос в России. — Вестник организационно-партийной и кадровой работы ЦК КПРФ, 2006, вып. 4(34), 28.11.2006; КАТУНИН Ю.А. Изменение политики партии и государства в отношении православной церкви в 1939 г. / http://www.nbuv.gov.ua/Articles/KultNar/KNP38/knp38_156-159.pdf; ЕГО ЖЕ. Православная церковь и государство: проблемы взаимоотношений в 1917—1939 гг. (на материалах Крыма). Докт. дисс. Симферополь. 2003; ВОЛОКИТИНА Т.В. Власть и православные церкви в СССР и странах Восточной Европы (1944—1953 гг.). В кн.: Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40—50-х гг. XX века. М. 2007; НАРОЧНИЦКАЯ Н.А. Россия и русские в мировой истории М. 2005; АЛЕКСЕЕВ В.А. Тернистый путь к живому

- диалогу (из истории церковно-государственных отношений в 30-е — 50-е гг. XX столетия). М. 1999; и др.
8. НАРОЧНИЦКАЯ Н.А. Ук. соч., с. 241—244.
 9. ВОЛОКИТИНА Т.В. Ук. соч., с. 63, 104.
 10. В своем письме в редакцию журнала «Вопросы истории» В.П. Данилов разоблачил ряд просталинских и антисемитских фальсификаций книги Карпова, касающихся фактических итогов массовых репрессий 1930-х годов. Карпов интерпретировал их в нацистском духе, как необходимую чистку мифической еврейской «пятой колонны» накануне войны. «Никакое звание, — писал Данилов, — не может оправдать автора, публикующего прямую ложь, не останавливающегося перед фальсификацией документов... Данные Карпова, к сожалению, не отражают ничего, кроме его антисемитизма» (ДАНИЛОВ В.П. Сталинизм и советское общество. — Вопросы истории, 2004, № 2, с. 173—175).
 11. ВОЛОКИТИНА Т.В. Ук. соч., с. 63—65.
 12. ВДОВИН А.И. Ук. соч., с. 128, 129.
 13. ВАСИЛЬЦОВ С.И., ОБУХОВ С.П. Ук. соч.
 14. РЫБАС С.Ю., РЫБАС Е.С. Ук. соч., с. 222, 223.
 15. БАРСЕНКОВ А.С., ВДОВИН А.И. История России. 1938—2002. М. 2003, с. 37. Рекомендовано УМО по классическому университетскому образованию в качестве учебного пособия для студентов вузов, обучающихся по специальности 020700 История; ИХ ЖЕ. История России. 1917—2004. М. 2005, с. 303. Рекомендовано УМС по истории и искусствоведению, УМС по классическому университетскому образованию, обучающихся по специальности 020700 История; Новейшая отечественная история. XX век. Кн. 2. М. 2004, с. 99, 100. Допущено Министерством образования РФ в качестве учебника для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальностям 020700 «История» и 032600 «История»; Хрестоматия по новейшей истории России. 1917—2004. Ч. 1. М. 2005, с. 314, 324. Рекомендовано УМО по специальности педагогического образования в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «История».
 16. ШКАРОВСКИЙ М.В. Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве. М. 1999, с. 95.
 17. Там же, с. 101—104, 118.
 18. Директор РГАСПИ К.М. Андерсон 2 июня 2003 г. сообщил М.А. Высоцкому в ответ на его запрос о пресловутом «Указании Ленина от 1 мая 1919 г.», встретившемуся ему в сочинении еще одного «открывателя» исторических «сенсаций», Г. Назарова, следующее: «В фондах В.И. Ленина, М.И. Калинина и других советских государственных деятелей документов секретного и ограниченного доступа нет. Сообщаем также, что интересующий Вас текст распоряжения председателя ВЦИК Калинина и председателя СНК Ленина председателю ВЧК Дзержинскому от 1 мая 1919 г. в РГАСПИ не обнаружен. Одновременно сообщаем, что автор присланной Вами статьи Герман Назаров в читальном зале архива не работал и никаких документов, следовательно, не получал».
 19. РГАСПИ, ф. 2 (фонд В.И. Ленина), оп. 1, д. 9537. Протокол № 243 заседания Малого СНК 1 мая 1919 года.
 20. В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 7. М. 1977, с. 149, 150.
 21. Результат личных разысканий автора.
 22. Личный архив автора. Подлинники.
 23. Там же.
 24. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 130, оп. 1, д. 208, л. 10, 11.
 25. Там же, л. 17.
 26. Там же, оп. 3, д. 210, л. 37.
 27. Там же, л. 59.
 28. РГАСПИ, ф. 76, оп. 3, д. 196, л. 3—3об.
 29. Ф.Э. Дзержинский — председатель ВЧК—ОГПУ. 1917—1926. Сб. документов. М. 2007, с. 266, 267.
 30. Архивы Кремля. Политбюро и Церковь. 1922—1925 гг. Сб. документов. Кн. 1. М. 1997, с. 140—144.
 31. ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 6а, л. 3.
 32. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. М. 1983, с. 83.
 33. РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 26, л. 107, 108.
 34. Там же, оп. 166, д. 616, л. 1—6.
 35. Там же, л. 7.
 36. Там же, л. 8, 9.
 37. Там же, л. 67.
 38. Там же, л. 80, 81.
 39. Там же, л. 87.
 40. Там же, л. 113, 114.
 41. Там же, л. 115—117. Осадники — поляки, получившие после советско-польской войны земельные наделы на территориях Украины и Белоруссии, отошедших к Польше по Рижскому мирному дого-

- вору 1921 года.
42. Личный архив автора.
 43. ЯЗОВ Д.Т. Ук. соч., с. 45.
 44. <http://www.ptsbi.ru>.
 45. Личный архив автора.
 46. ЕМЕЛЬЯНОВ Н.Е. Оценка статистики гонений на Русскую православную церковь с 1917 по 1952 г./ http://www.goldentime.ru/nbk_31.htm
 47. ЯКОВЛЕВ А.Н. По мощам и слей. М. 1995, с. 94—95.
 48. http://kuzl.ptsbi.ccas.ru/bin/db.exe/no_dbpa.../nm?
 49. Советская жизнь и массовое сознание. Сб. документов. М. 2003, с. 406.
 50. Там же, с. 409, 408.
 51. РГАСПИ, ф.17, оп. 125, д. 44, л. 33—38.
 52. http://kuzl.ptsbi.ccas.ru/bin/db.exe/no_dbpa.../nm?
 53. Личный архив автора.

